

Часть 4. Социальные последствия в травмированном обществе России¹

1. Формирование прекариата

В обществах травмы за последние десятилетия учёными отмечено появление социальных групп и общностей, характеризующихся неустойчивым, нестабильным, негарантированным социальным положением, которые вошли в научную литературу под названием «*прек ри т*» (от л. т. «неустойчивый», «нестабильный», «негарантированный»). Россия тут не исключение.

Прекарии полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни. Особо следует отметить, что составляющие его социальные группы не выработали ещё чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей идеи.

Либералы в России сочли, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно лишь в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счёте эта установка реализовала основную их цель — переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей, что в условиях России оказалось контрпродуктивным, ошибочным и бесперспективным. Такая ситуация породила новые формы эксплуатации,

---

¹ В этой части наших социологических заметок ориентируемся на научный анализ д-ра философских наук Ж. Т. Тощенко («Общество травмы») и ряда других учёных, а также на сведения, почерпнутые из справочной литературы и СМИ 2017–2019 гг.

которая в скрытом виде из-за отсутствия правовой защиты привела к занятости сверх восьмичасового рабочего дня для 25,9% как постоянной практике, а ещё для 39,9% — как периодически используемой. Это проявилось и в произвольной негарантированной оплате труда, отказе в соблюдении права на оплачиваемый отпуск и поддержке в уходе за детьми, отсутствии оплаты за вынужденный простой, а также в росте самоэксплуатации. В результате уровень общественной, трудовой и повседневной активности людей крайне низок — 45,5% не участвуют ни в каких формах общественной жизни. В трудной жизненной ситуации к органам власти обратятся только 2,1% из них; 24,9% испытывают чувство беспомощности при попытках повлиять на происходящее («Жизненный мир», 2016).

Основной проблемой прекариата становится обеспечение занятости. Так как во всё возрастающих размерах продолжает расти неформальная, временная, неполная, эпизодическая занятость, а также существовать такой феномен, как работа без трудового договора, то требуется принятие мер по использованию, регулированию и правовой защите этих групп населения.

В странах с нестабильной экономикой коэффициент создания рабочих мест должен составлять от 10 до 20%. В России в 2010-е годы темпы создания рабочих мест на действующих предприятиях составляли 4-5%, а темпы ликвидации — 5-6%. Это означает, что новых и реконструируемых предприятий создаётся мало. Темп их рождения падает, и поэтому обновление идёт медленно, рабочих мест становится меньше, а не больше. А такая сложившаяся в России ситуация говорит о том, что очень медленными темпами идёт появление новых и ликвидация старых предприятий, расширение и сжатие действующих. А так как нет чётких и ясных перспектив, нет достаточных инвестиций, ясных для бизнеса правил — всё это ведёт к неэффективному использованию человеческого капитала.

Представители прекариата нацелены на реализацию первоочередных желаемых целей. Однако в результате, согласно экспертному заключению, осуществленному по заказу Государственной Думы, реальная стоимость потребительской корзины (минимальный набор продуктов и услуг) равна 34,7 тысяч рублей, то есть в три раза выше официальной цифры («Накануне.ру», 28 июня 2019). А это значит, что

официальные данные, характеризующие реальную бедность и прожиточный минимум, слишком занижены. При растущей бедности и снижении уровня жизни (30-40% говорят, что им хватает денег только на еду), эти группы населения «формируют спрос на продукты и товары первой необходимости на самом минимальном пределе своих возможностей. Покупают то, что им предлагают в самых дешёвых магазинах. И, следовательно, такой спрос не стимулирует промышленность к выпуску качественной продукции. Мы попадаем в ловушку бедности, из которой выхода не видно».

Современные учёные (к примеру, Ж. Т. Тощенко и др.) считают, что прекариат — это показатель травмированного общества, продукт его деятельности из-за отсутствия научно обоснованной социально-экономической политики государства.

2. Ситуация в сельской местности

В мире, в том числе и в России, идёт объективный процесс: всё большее и большее количество населения сосредотачивается в городах. Этот процесс начал своё интенсивное шествие ещё в девятнадцатом веке, и в разных странах он протекал неоднозначно. Подобный процесс шёл и в России.

Прирост населения осуществлялся в российских городах активно с начала двадцатого века (в 1920 — 1930-е годы, а затем в конце 1940-х — начале 1950-х годов он шёл особенно интенсивно), в том числе и за счёт сельской молодёжи. В эти годы практически все сельские населённые пункты представляли собой самостоятельные хозяйственные единицы, которые олицетворяли единую экономическую деятельность в рамках артельной организации труда в виде колхозов с соответствующим, пусть и примитивным, но самостоятельным, функционированием других сфер жизни на селе — образовательной, культурной, торговой (обычно это школа, клуб или изба-читальня, торговая лавка).

Стремительное уменьшение сельских жителей и, соответственно, населённых пунктов началось со времени укрупнения колхозов, в начале 1950-х годов. Небольшие поселения, превратившись из самостоятельных экономических единиц в подразделения крупного хозяйства (бригады, звенья), теряли свою определённую, лишались гласного административного,

а затем и негласного артельного контроля. Эти изменения начали дополняться ликвидацией начальных школ, где непосредственное родительное внимание особенно необходимо. Именно тогда и родилась сентенция «Нет школы — нет деревни», которую как новую истину произносят даже некоторые российские либералы, спустя почти семьдесят лет, в условиях катастрофического положения сельского хозяйства. Именно в 1950-е годы началось абсолютное уменьшение как сельского населения, так и сельских населённых пунктов, что послужило рождением в начале 1960-х годов политики ликвидации «неперспективных» деревень, к обоснованию которой приложили усилия и учёные, в основном горожане по происхождению, которые, исходя из умозрительных представлений, доказывали, что в крупных населённых пунктах можно более эффективно организовать обучение, культурное обслуживание (клубы, библиотеки и пр.).

Очень быстро время показало, что ликвидацию деревень предвляло закрытие школ, а удовлетворение культурных потребностей в виде использования библиотек и посещения клубов свелось к их объединению (переносу в более крупные сёла), что привело к их сокращению. Потому что, как выяснили новосибирские социологи, сыграл свою роль фактор «территориальной доступности» учреждений культуры: если расстояние для удовлетворения этих потребностей превышало четыре-пять километров, большинство людей переставало ими пользоваться. Преступный, по сути, указ Ельцина о ликвидации колхозов и совхозов привёл к краху большинства из них, даже тех, которые не на словах, а на деле олицетворяли эффективно функционирующие хозяйства с достаточно удовлетворительным социальным и культурным обслуживанием.

В дальнейшее усугубление ситуации с занятостью на селе внесли агрохолдинги, которые за стиль их хозяйствования получили название «олигархозы». Многие из них предпочитали использовать не местную рабочую силу, а эмигрантов из ближнего зарубежья, как более покладистых и безответных работников.

В этой ситуации первыми стали покидать деревню молодые люди, которые не видели никаких возможностей найти приемлемую работу, не были удовлетворены организацией культурного и бытового обслуживания, а главное, не видели

перспектив нормального будущего устройства своей производственной и личной жизни.

С 1991 по 2015 год численность сельских школ уменьшилась почти в два раза (с 48,6 до 26,1 тысяч). Практически одновременно проводимая «оптимизация» учреждений здравоохранения привела к закрытию местных сельских поликлиник и больниц и даже фельдшерских пунктов. Так, за последние пять лет их количество сократилось на 21%. При этом больше всего пострадали участковые больницы — за последнее десятилетие их численность уменьшилась в двадцать восемь раз. Во многих сельских стационарах упразднили специализированные отделения, поэтому получить лечебно-диагностическую помощь у узкопрофильных специалистов возможно только в районных или областных центрах. Именно поэтому количество районных больниц за тот же временной период уменьшилось в полтора раза и практически сравнялось с результатом двадцатипятилетней давности. Однако количество койко-мест в центральных районных и районных больницах только за 2013–2014 годы сократилось практически на 12 тысяч (Счётная палата, 2015). К этому следует добавить, что 17,5 тысяч сельских населённых пунктов вообще не имеют учреждений здравоохранения. Соответственно, практически каждому десятому (9%) сельскому жителю России недоступны и для четверти труднодоступны медицинские учреждения по территориальному принципу.

Такие же изменения произошли и в сфере культуры. С 1990 по 2015 год культурно-досуговых учреждений, в том числе в сельской местности, в стране уменьшилось с 73,2 до 40,3 тысяч, общедоступных библиотек — с 62,6 до 38,9 тысяч («Основные показатели культуры...», 2014; «Учреждения культуры», 2015; «Число общедоступных библиотек», 2016). Эти преобразования привели к тому, что следствием такой политики стал тот факт, что за последние четверть века из 153 тысяч сельских населённых пунктов исчезло более 25 тысяч, а по переписи 2010 года ещё 42 387 деревень насчитывали до шести жителей, и ещё 13 234 — шесть-десять человек.

Что касается труда в сельском хозяйстве, то в нём произошли такие процессы, которые свидетельствовали о его деградации. В связи с резким уменьшением сельскохозяйственной техники сократилось количество квалифицированных кадров — трактористов, шофёров и других механизаторов.

С сокращением ферм, как крупного рогатого скота, так и свиней, овец, лошадей, резко снизилось количество занятых в этих видах труда, среди которых было тоже немало работников квалифицированного труда — механиков по доильным установкам, по обработке и подготовке кормов, по строительству и ремонту. Одновременно в связи с ликвидацией колхозов и совхозов оставшиеся хозяйственные единицы освожились и от кадров высокой квалификации — агрономов, зоотехников, ветеринаров, инженеров. Иначе говоря, произошло значительное уменьшение занятых квалифицированным трудом, что также отразилось и на снижении качества работы оставшихся работников. Труд в сельском хозяйстве всё в большей и большей мере стал непривлекательным. Исчезла уверенность в будущем не только труда, но и перспективы в жизни. Это дополнялось тем, что и по качеству, и по оплате труда он во всё большей мере уступал тому уровню, который существовал или складывался в городах.

Не изменяет общей картины и увеличение валового сбора зерна за 2017 и 2018 годы и увеличение в основном его экспорта. В условиях, когда количество крупного рогатого скота уменьшилось в три раза (с 57 миллионов до 19 миллионов), в том числе коров — более чем в два с половиной раза (с 20,5 миллионов до 8,5 миллионов), стало возможным зерно экспортировать, а не превращать его в различные виды комбикормов, и, соответственно, меньше тратить на воспроизводство молока и других молочных продуктов.

3. Образование в российском обществе травмы

В том, что Россия в настоящее время нуждается в неотложном реформировании образования, никто не сомневается и не оспаривает это. Это было известно и в СССР, когда периодически принимались решения по развитию, совершенствованию и даже реорганизации всех ступеней образования. Но ограниченность этих акций была выявлена к 1980-м годам, когда стало очевидным замедление, а потом и отставание от набиравших темпы развития образования многих стран мира.

Вспомним, в СССР в октябре 1957 года запустили первый искусственный спутник Земли. Для официальной Америки это стало потрясением. Почему СССР опередил США? По распоряжению президента (тогда им был Д. Эйзенхауэр) была

создана специальная комиссия, которая после двух лет работы сделала сенсационное заключение: СССР победил более совершенной системой образования и подготовки кадров. Исходя из этих выводов, была принята масштабная программа перестройки образования в США, согласно которой были направлены огромные капиталовложения в сферу образования по всем её показателям: кадры, инфраструктура, связь с наукой, участие бизнеса, финансирование, структура учебного процесса, создание особых центров подготовки кадров и др. И результат уже примерно через десять-пятнадцать лет сказался: американцы постепенно выходили на первое место по решению многих технико-технологических и информационных проблем, в том числе в освоении космоса.

И после развала СССР в России вспомнили о необходимости перестройки образования на современный лад. Но меры, предпринятые по решению этого вопроса, были сомнительными по качеству и эффективности. *Во-первых*, всё советское наследие в области образования было объявлено ущербным, идеологически ангажированным, отсталым. *Во-вторых*, разразился целый вихрь предлагаемых «нововведений» и «реформ», которые стремительно заменяли друг друга, дезорганизуя и без того расшатанный процесс как в высшей, так и в средней школе. В результате сложилась сверхсложная и даже парадоксальная ситуация: по данным *Global Human Capital* за 2017 год, Россия занимает четвёртое место в мире по количеству имеющих послешкольное образование, и в то же время сорок второе место — по параметру «использование навыков трудовой деятельности». *В-третьих*, наличие дипломов о высшем образовании слабо учитывается работодателями, далеко не всегда приводит к повышению уровня оплаты, а также тому, что многие выпускники вузов работают не по специальности. Всё это приводит к тому, что серьёзно изменяется ландшафт рынка труда

По данным Росстата, 30% выпускников вузов и более 40% освоивших программу среднего профессионального образования трудоустраиваются не по приобретённой специальности. Уровень внедрения инноваций в России по сравнению с СССР сократился в шесть-семь раз. В настоящее время Россия тратит только 4% ВВП на образование (в других странах — не менее 6%). Россия занимает восемьдесят восьмое место среди ста пятидесяти стран мира. Напомним, что в

конце 1950-х годов страна занимала третье место по уровню общего образования.

Все разработанные и внедряемые либеральными «перестройщиками» инициативы (Болонский процесс, ЕГЭ, реформы общеобразовательной школы и среднего профессионального образования) принесли больше забот и разочарований. Многие из этих «новаций» получили резкую оценку в российском обществе. Так, выдающийся математик, председатель Московского математического общества, академик Владимир Арнольд заявил по поводу кардинальных преобразований и внедрению новых стандартов обучения в высшей школе: «Этот план производит общее впечатление плана подготовки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующих хозяев: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы».

На сегодня оценка роли и значения образования в определении социального положения и престижа всё больше и больше ухудшается. В общественном мнении его значение признаётся только каждым пятым (19%), уступая таким факторам, как владение капиталом (67%), обладание властью или доступом к ней (58,2%) и связям с нужными людьми (57%). Приведём пример: сервис по поиску работы «Super.job» заявил, что графа «Образование» не нужна при замещении вакансий, что, мол, компании при приёме на работу смотрят на реальные навыки кандидата, а не на корочку учебного заведения. И отдают предпочтение сотрудникам с уже наработанными навыками и успешными кейсами. Таким образом, практика, реальная жизнь опровергают радужные заявления Минобрнауки, что связь образования и будущего места работы очень важна и необходима.

Образование в предложениях неолибералов трактуется как сфера услуг. А если это сфера услуг (а не сфера воспитания, как было в СССР), за услуги надо платить. Что и делается во всё возрастающих масштабах. При этом происходит абсолютизация финансовых показателей. Неолиберальные предложения в основном упаковываются в рамки квази- и псевдорыночных отношений, превращая учебные заведения в подобие коммерческих структур, для которых критерием их успешности является доход и прибыль.

Очень сомнительна цель — создание привилегированных школ по подготовке так называемой элиты для всех

сфер деятельности, от политической до научной. Их число достаточно разнообразно — от всероссийского сочинского интерната и Сколково до ста десяти опорных школ Министерства просвещения. Есть многочисленные лицеи, в которых в основном обучаются дети весьма привилегированных родителей, готовых нести личные расходы на дополнительные занятия с их чадом. А как в таком случае быть с поставленной главой государства задачей сформулировать систему «равных образовательных возможностей — мощного ресурса для развития страны и обеспечения социальной справедливости»? На деле же получается, что *р* *сслоение в обществе между бог тыми и бедными проходит не только по уровню доход* — образование во всё большей мере усиливает это расслоение.

В прошлом кафедры в вузах, педсоветы в школах имели свой голос при формулировке целей педагогического процесса, в дискуссиях и полемике отстаивали свои права и возможности проявить инициативу, идти по пути поиска, проводить учебные эксперименты, принимать участие в выборе заказчиков на проведение исследований. Именно в этих подразделениях сосредотачивался образовательный капитал интеллигенции, который затем имел возможность реализоваться в процессе повседневной деятельности преподавателя.

Но всё это в прошлом. Постепенное лишение всякой самостоятельности не только кафедр, но и самих вузов прошло несколько этапов. *Первый эт п* связан с присоединением к Болонскому процессу, с бюрократизацией и предельной формализацией учебного процесса. На этом этапе вузы сопротивлялись этому нововведению, но постепенно уступали. *Второй эт п* прошёл под знаком внедрения формализованных показателей, с лишением вузов финансовой самостоятельности. Вертикаль власти стала достоянием всех уровней образования. В результате ориентации во имя «общеевропейского рынка» и разрыва связи с местными сообществами этот этап привёл к снижению востребованности профессиональных знаний и к сведению всего процесса обучения к получению диплома, который имеет значение статуса, а не высокой квалификации. Поэтому изменяется и стратегия поведения преподавателя: ему легче пойти навстречу студенту и/или учащемуся, чем проявить принципиальность, чему способствует постепенное распространение «академического сговора». Иначе говоря,

примерно с 2008 года вузы утратили свою самостоятельность, и на первый план вышли внешние нормативы, численность которых только с 2008 по 2013 год увеличилась в шестнадцать раз. Нечто подобное происходило и в средней школе, но с учётом её специфики.

Количество учителей и профессорско-преподавательского состава (ППС) сокращается. Так, численность ППС с 2010 по 2015 год уменьшилась на 77 тысяч, а учителей — более чем на 500 тысяч. Но так как статистические данные показывают рост численности занятых в сфере образования, то это говорит о скрытом росте управленческого и контролирующего аппарата. То есть происходит замещение уменьшающихся преподавательских кадров увеличением бюрократического аппарата во всех звеньях управления. Среднестатистический российский вуз заполняет за год около трёхсот отчётов, содержащих примерно двенадцать тысяч показателей.

Лишению всякой самостоятельности в организации учебного процесса способствовала мода некоторых университетов, которые, ликвидировав кафедры, сделали, в соответствии со стандартами западных университетов, основным его звеном департаменты, скорее выполняющие процесс координации и контроля, но не могущие создать той атмосферы единого коллектива и по духу, и по форме, присущей ранее существовавшим кафедрам.

Не лучше ситуация и в учительских коллективах. От них сверх обычных, годами используемых форм отчёта и контроля требуют: фотоотчёты по проведённым внеклассным мероприятиям, заполнение журналов по технике безопасности и здоровому образу жизни, сбор информации о родителях, об организации летнего отдыха детей, ведение актов поквартального учёта, дублирование бумажного и электронного журналов и т.д. Возникает и такой вопрос: а нужны ли всероссийские проверочные работы? В результате, по данным Академии повышения квалификации, создан огромный, всеохватывающий контроль: 44 организации всех трёх уровней управления традиционно проверяют школу от 156 до 216 раз в году. Этой бюрократизации способствует немалое количество лженаучных педагогических НИИ, служб, фондов и т.п., которые оправдывают их существование рождением всяческих мелочных инструкций, но делают трудовую деятельность преподавателей просто невыносимой.

Изначально крошечные зарплаты преподавателей вузов (двенадцать-пятнадцать тысяч рублей у старших преподавателей и доцентов и в районе двадцати пяти тысяч рублей у профессоров) могли быть слегка выше из-за увеличивающейся учебной нагрузки, работы на полторы ставки и каких-то ещё дополнительных работ. Это работа на износ. И гораздо выше оплата бюрократического аппарата вузов. Очень низкая оплата труда учителей в школах. И работа преподавателем стала непрестижной, не уважаемой в обществе. По мнению ректора Российской экономической школы Р. Ениколопова, «не секрет, что в огромном количестве вузов требования по повышению средних зарплат были выполнены за счёт игры с количеством ставок, на которых работают преподаватели, и за счёт роста зарплат у небольшого количества профессоров, приближённых к администрации».

Если подвести итог этим блужданиям, связанным с политикой оптимизации, то до сих пор не решён принципиальный вопрос, имеющий стратегическое решение: какая политика в сфере образования будет осуществляться — централизация, интеграция или творческая самостоятельность учебных заведений?

4. Здравоохранение в российском обществе травмы

В настоящее время на развитие здравоохранения Россия тратит 4% ВВП по сравнению с 10% в развитых странах Европы и 17% в США. Эти расходы на здравоохранение означают 149-е место в международном рейтинге ООН из 170 стран мира.

Так называемая «оптимизация» здравоохранения в России началась в 2010 году, когда был принят закон «Об обязательном медицинском страховании» взамен действовавшего на протяжении двадцати лет (с 1991 года) закона «О медицинском страховании граждан». Хотя первые попытки его активного реформирования начались ещё в 2003 – 2005 годах, когда в стране был запущен новый виток модернизации, связанный с принятием национального проекта «Здоровье» (вступил в силу 1 января 2006 года). Однако, по мнению экспертов, он не улучшил ситуацию в российском здравоохранении и стал одним из самых провальных за всё время проведения реформ. Связано это с разными обстоятельствами, в том числе с тем,

что «нормативно-правовая база, которая регулировала реализацию мероприятий Национального проекта „Здоровье“, в 2006 году включала 15 постановлений Правительства РФ, более 20 приказов и методических рекомендаций Минздравсоцразвития РФ»; при этом документы содержали нормы, противоречащие друг другу, имели внутренние разногласия. В стране стали массово закрываться медицинские учреждения. За несколько лет их численность сократилась более чем в полтора раза (например, в 2000 году — 17 627 медицинских учреждений, а в 2008 году — 9 476).

Реализация курса на оптимизацию инфраструктуры здравоохранения привела за пятнадцать лет — с 2000 до 2015 года — к массовому закрытию больниц (практически в два раза, с 10,7 тысяч до 5,4 тысяч). Следствием этого стало не повышение, а падение качества медицинской помощи. Число поликлиник также сокращается. Так, в период с 2000 по 2015 год их количество сократилось на 12,7% — до 18,6 тысяч учреждений, а нагрузка возросла со 166 человек в день до 208 человек. И, невзирая на то, что к 2017 году количество поликлиник чуть выросло, достичь показателей 2000 года так и не сумели. Как отмечают специалисты, «декларируемого манёвра по переносу нагрузки и ресурсов с больниц на поликлиники так и не произошло — ситуация осложнилась в области как стационарного, так и амбулаторного лечения». Инфраструктура здравоохранения предполагает наличие фармацевтической сети, которая, в отличие от самих медицинских учреждений, стремительно развивалась, но в основном за счёт частного сектора. Именно превращение этой сети в аналог бизнеса привело к такому явлению, как постоянное удорожание стоимости медикаментов. Отмечается существенная нехватка медикаментов для лечения тяжёлых заболеваний, связанных с онкологией и другими видами болезней. Огромной проблемой является лечение и восстановление зубов, особенно для старшего поколения, пенсионеров, — из-за очень высокой стоимости врачебных услуг. Эти услуги предоставляются преимущественно частными лечебными учреждениями, использующими в подавляющем большинстве своём импортную технику, инструменты, препараты. А они очень дороги, и пенсионеру такие затраты просто неподъёмны.

Огромной проблемой является низкая заработная плата медицинских работников всех уровней. И по совокупности

всех неблагоприятных обстоятельств в системе здравоохранения образовалась существенная нехватка медицинских кадров, о чём постоянно публикуются критические материалы в СМИ.

Послесловие

В следующих социологических заметках постараемся ответить на вопросы, связанные с поисками выхода из существующего глубокого социально-экономического кризиса, в котором пребывает уже длительное время Россия (ситуация «общества травмы»), а также попробуем разобраться с практическими действиями политического руководства и обновлённого правительства страны, в том числе на основе внесённых изменений в Конституцию России в 2020 году. Естественно, следует также определиться с серьёзными последствиями экономического спада и социального самочувствия россиян от влияния известных событий, связанных с вирусной пандемией текущего года.